

Пес Кузька ходит от дома к дому. Опустив голову до земли, не обращая внимания на напористый лай молодняка и запахи пограничных мет, охраняющих их территории, бредет он от нового дома к тому месту, где совсем недавно стоял старый обветшалый хозяйский дом. Там, под лавкой на крылечке, было его место. Теперь здесь лежит куча изгнивших бревен, почерневших от времени. С ржавьем гвоздей обломки досок и просто мусор, еще пахнувший жильем, человеком и местом под лавкой. Пес внимательно всякий раз все долго обнюхивает. Потом, задрав лапу, мочится на обломки и опять долго внюхивается: и в то место, куда мочился, и в то — где, по его предположению, было его место под лавкой.

Более всего на свете хочется ему услышать голос хозяина: «Глупый ты пес, Кузька, глупый...» Этому всегда предшествовали шаги в коридоре и стук об пол костыля. Выметался тогда Кузька из-под лавки и, стоя против двери, внимательно смотрел на ручку. Ждал, когда она повернется. Возня за дверью всегда заканчивалась поворотом ручки. Медленно открывалась дверь, и выходил хозяин. Обычно после обращения к Кузьке хозяин брал костыль из правой руки в левую руку, опирался на него, чтоб нагнуться. Остро пахнувший табаком палец тянулся псу за ухо. Пес переставал крутиться,

замирая иногда в самой неудобной позе. «Ну, пошли», — говорил хозяин, вернув костыль в правую руку и медленно сходя по ступеням крыльца. Пес не мельтешил, не бросался хозяину под ноги, как это делают молодые и действительно глупые псы, а с достоинством шел рядом. Иногда, когда не в меру прыткий молодняк подавал голос, Кузька, подняв пыль, резко срывался с места. Он с ходу сбивал не почитающего возраст пса. Ритуально покусывая, прижимал лапой покорно лежащего на спине несмышленища и, хрипло рыча, давал понять, кто есть кто. «Глупый, глупый ты пес, Кузька, — повторял хозяин вернувшемуся к нему Кузьке. — Зачем маленьких обижаешь?» Кузька молчал, на несправедливые слова хозяина не обижался, твердо полагая: у каждого своя правда.

В тот раз собачье сердце почувствовало беду сразу. Стих голос хозяина за дверью. Засуетились жившие с ним, наказав Кузьке молчать. Запахло чужими запахами, и наступила тишина. Хозяин на улицу не выходил. Не выходил долго. Временами псу казалось, что день и солнце в небе остановились, застыли навсегда. Собачье сердце маялось неизвестностью и тревогой.

Когда же появлялись чужие, Кузька, молча, но решительно вздыбив холку, вставал им навстречу. В глазах его сверкали злоба и неприязнь. Люди стучали в окно, кричали. Выходила хозяйка. Кузька скрывался под лавкой, оставляя ей право решать: впустить гостя или беседовать с ним на улице. Хозяйка в разговорах часто упоминала имя хозяина, прикладывая платок к глазам, но тревога в интонации ее голоса слышалась все реже и реже.

Иногда он порывался проскочить в комнату, но хозяйка ставила ногу так, что сделать это было невозможно. А Кузьке как никогда хотелось лизнуть руку хозяина, посмотреть ему в глаза. В такие минуты из собачьих глаз катили слезы. Не желая показывать слабость, Кузька уходил со двора, бродил по тем местам, где они с хозяином бывали вместе. Мимо лавочки у клуба, мимо магазина, где хозяин покупал сигареты, мимо разлапистой высокой черемухи, где хозяин с чужим мужиком подолгу беседовал, а ему приходилось подолгу маяться-ожидать.

Он бродил около этих мест со смутной надеждой, что вот все повторится в той же последовательности. И пусть хозяин сколько угодно долго будет что-то рассказывать чужому под черемухой, пусть! Он изредка будет подходить и тихо толкать хозяина в ногу. Хозяин будет протягивать руку, трепать свалившуюся холку: «Глупый Кузька, нельзя мешать хозяину, когда он разговаривает. Тебе что, занятся нечем? Ты глянь на хвост: скоро репы прорастать начнут, девки любить не будут». Кузька будет виноватиться, опускать голову и отходить. Сучки-девки его интересовали мало. В собачьих «свадьбах» гордый пес участия не принимал, не желая унижать себя очередью и бестолковостью стайной суеты.

Вышел хозяин как-то неожиданно сразу. Кузька под своей лавкой не услышал шагов, не услышал стука костыля. Открылась дверь, и вышел хозяин. Но он не сказал обычного, не передал костыль правой в левую руку. Тяжело и неуклюже согнувшись, оперся он на него обеими руками, сипло дыша. Потом медленно-медленно перенес тяжесть своего тела с костыля на лавку. Кузька бестолково и ошалело крутнулся под ногами. Потом, спрыгнув с крыльца через все ступени, он помчался по двору большими кругами. Первый круг, второй круг, третий, почти ложась на бок от кругизны поворотов и большой скорости. Вызав по-щенячьему свой победный восторг, он вспрыгнул на крыльцо, стал лапами на лавку, вывалив язык. Потом сунулся сидящему хозяину в колени. Вымарав ему слюной брюки, затих в небывало сладостном ощущении. Только сердце собачье быстрыми толчками билось в колено хозяина, да судорожно раздувались бока. Со стороны можно было подумать, что собака рыдает, уткнувшись в колени. «Глупый ты, глупый Кузька...», — стал гладить голову собаки хозяин.

А через несколько дней дошли они уже до лавочки у клуба. Хозяин сидел дол-

го. Курил, о чем-то говорил с проходящими мимо мужиками, чертил костылем на песке загадочные, одному ему ведомые фигуры. Кузька, свернувшись калачиком и посверкивая глазами, лежал под лавкой. Надо будет, обратят внимание. Лезть же без дела, мешать-надоедать хозяину, хотя ему и хотелось, понимал: нельзя! Да и основное собачье желание было простым и понятным — сохранять как можно дольше это состояние. Только бы хозяин не исчезал надолго, только бы выходил из дому и, тяжело опираясь на костыль, брел до лавочки у клуба. Ему же, Кузьке, достаточно просто быть при нем...

Ближе к осени заложили щитовой дом. С раннего утра до позднего вечера, а иногда и до глубокой ночи урчал кран. Строители наверху и внизу споро подгоняли-устанавливали массивные конструкции. Днем смотреть на диво собирались люди. Сбившись в группы, наблюдали через дорогу за строительством. Тут же с грустными глазами бродили кошки и собаки, обезумевшие от отсутствия жилья и хозяев на привычном месте. Бывшие жильцы стоявшего на этом месте дома ходили в сладостном предчувствии новоселья.

Хозяин почти не выходил. Вечерами, когда строительную площадку освещали прожекторы, хозяйка, сходя по ступенькам крыльца, бросала коротко: «Пошли». Кузька, выбравшись из-под лавки, брел вслед, перемалывая свои собачьи думы чувств и предчувствий, мимо клубной лавочки, мимо разлапистой, по-осеннему голой черемухи в свет прожекторов. Глухая боль от предстоящести какого-то непоправимо большого горя мучила пса. Кузька переходил дорогу, держась в тени, и если хозяйка надолго останавливалась со встречным, возвращался назад домой под лавку, потому что мог выйти хозяин или награнный чужой. И еще потому, что на привычном месте под лавкой меньше одолевала его боль ожидания чего-то.

Еще не выпал снег, но с каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Низкие, свинцового отлива облака, едва не цепляя крыши и вершины сосен, тяжелыми броненосцами плыли в неизвестность. Солнце, если и прорывалось в прощелки между ними, кроваво обрызгивая окна и стены домов к ветрам и резким переменам погоды, то очень редко.

Однажды хозяин выбрался на улицу ближе к вечеру. Одетый по-зимнему, он тяжело сошел со ступеней. Постояв и набравшись сил, медленно пошел по двору, останавливаясь у некогда слаженных предмет построек, толкая костылем то дверь, то стену, то невесть откуда взявшийся предмет под ногами. Все движения и действия хозяина были наполнены особо глубинным смыслом, который осознавать-понимать люди начинают слишком поздно. Кузька неслышно брел следом, чутко улавливая состояние души хозяина, потому что память Кузьки хранила о предметах и вещах те же радости и печали, то же состояние молодой прыти и силы. Обойдя двор, они вышли за калитку. Даже сюда из-за дворов и поворотов доносился немолчный шум машин и голосов стройки. Опершись двумя руками на костыль, хозяин долго и задумчиво смотрел вверх домов, дворов, заборов туда...

Там, далеко на севере, на Вологодчине, даль его детства. Это даль воспоминаний, от которых что и осталось, так это окающий говор, запах казарм лагеря, где родила его мать за колючей проволокой, тюремное детство, клюква на болотах, законы детских домов... калмыцкие степи... Чечня и законы гор.

Хозяин, опираясь на костыль, нагнулся. Перебирая колтуном сбившуюся шерсть на холке прижавшегося к валенкам пса, спросил: «Ты, Кузька, знаешь, как по весне ночами растет трава? Она на слух поскрипывает, знаешь?..» Кузька плотнее прижимался к валенкам хозяина и едва слышно повизгивал. Остро пахнущие табаком пальцы хозяина ласкали за ушами, тянулись под нижнюю челюсть. Наплевав на приличия и запреты, Кузька, ощутив внутри неодолимый порыв, вдруг поднялся во весь свой собачий рост на задние лапы. Быстро лизнув лицо хозяина, он прижался мордой к его груди...

Большие узлы хозяйка носит в сарай, наказывая Кузьку стеречь. Там, внутри дома, Кузька слышит непривычную возню, тяжелые стуки, говор приходящих и своих...

Суматоха позднего вечера на улице, топот множества ног, запах бензина и металла, говор и выкрик «Взяли!» обрушились внезапно. Вначале Кузька пытался как-то противостоять набегу, но хозяйка ему в категоричной форме «цыц!» велела молчать. Покрутившись в ногах, он метнулся со двора на улицу. Там, отбежав в сторонку, сел и стал наблюдать. Темные фигуры выносили и укладывали вещи, которые по запаху Кузька отыскал бы в любом ворохе чужого. Потом все соединилось с вещами и транспортом в одно целое. Загудело, шибанув в нос всезабывающей бензиновой гарью.

Проводив скрывшийся за поворот транспорт глазами, он вернулся на свое место и вдруг понял — все стало совсем не так. Повозившись под лавкой, пес прислушался. На дом легла тяжелая тишина. В морозном воздухе стало слышно, как под ее тяжестью, глухо потрескивая, дом оседает. Во всем его деревянно-утробистом пространстве проснулись вдруг шорохи и скрипы угасания. Впервые за многие годы псу стало страшно. И он громко, прямо в лунный лик завыл, запричитал, как баба на могилке, потому что корень всего живого на земле един. И радости и печали на земле едины, что у человека, что у собаки...

Новый дом пахнет не деревом, не глиной, не камнем. Пахнет чужим, не природным. Все не природное собачий мозг относит к опасности. А она в собачьем мозгу означает близость смерти. Пес знает запах смерти. Он нашел тогда дверь с родным запахом. Понял, что жить теперь предстоит возле этой двери, и покорно улегся рядом. Хозяин был там, но не выходил. Оставалось ждать. Когда же мужики вынесли домовину с запахом сосны, запахом хозяина и запахом смерти, пес понял — сам хозяин больше не выйдет.

Теперь Кузька ходит от дома к дому. Возле нового дома псу не сидится, не лежит. Здесь сбьлись самые худшие его предчувствия. Низко, почти к земле опустив морду, бредет пес на старое подворье. Там, у снесенного за зиму дома, метит он никому не нужный хлам с родными запахами и очень-очень хочет услышать голос, услышать слова, которые уже никто и никогда не сможет так произнести: «Глупый, глупый ты пес, Кузька...»

